

АЛМАС Бейби

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЕЛЕНА РАХМАНИНА

Елена Рахманина

Айс бэйби

«Автор»

2020

Рахманина Е.

Айс бэйби / Е. Рахманина — «Автор», 2020

– Отец рассказал, что в случае развода тебе ничего не перепадет, так ради чего этот брак?– Я получила нечто гораздо более ценное, выйдя замуж за твоего отца. Проводит острым ноготком по моей щеке, приподнимаясь на цыпочках, почти выдыхая ответ мне в рот.– И что же?– Любимого сыночка... Я замужем за человеком, который вытащил меня из ада. Вздумаю уйти или просто посмотреть на другого - муж снова бросит меня в этот ад, и обратного пути уже не будет. Меня всё устраивало в этой жизни среди оков золотой клетки, где любые мои прихоти исполнялись, пока на пороге не возник он – мой грех и моя погибель. Сын моего мужа, решивший, что я и его игрушка. Содержит нецензурную брань.

© Рахманина Е., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
1. Теа	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Елена Рахманина

Айс бэйби

Пролог

Йен

Ист-Хэмптон, Нью-Йорк

В окне мелькали дорогие особняки, ухоженные улочки, редко проезжающие на черепашной скорости автомобили. Обманчиво казалось, что за толстыми стенами и дубовыми дверями самых богатых семей Нью-Йорка жизнь течёт вяло и скучно. Я давно не появлялся в доме, где прошла моя юность, и не вернулся бы в это гиблое место, если бы не одно но.

Листая за вчерашним завтраком новостную ленту, зацепился взглядом за заголовок, в котором фигурировала моя фамилия, что вовсе не редкость для одного из сильнейших игроков НХЛ. Только вот рядом с ней значилось имя иного человека – моего отца. Сцепив челюсти, я прочитал сообщение о скорой свадьбе медиа-магната с юной и привлекательной девицей, о которой прессе ничего не известно. Рука, державшая сотовый, так сжалась, что он затрещал и по экрану пошла рябь.

Изображение мелкой потаскушки, стоявшей рядом с отцом, оказалось слишком размытым, чтобы я мог поверить в правдивость заголовка. Но в чём я не сомневался точно – это в целях, которыми руководствуется странная парочка. Отец на старости лет решил купить у своей невесты кусочек молодости, а она готова пожертвовать лучшими годами жизни за побрякушки и статус. Только я не собирался платить за прихоти отца и желания этой шлюхи собственным наследством.

Наличие многомиллионных контрактов не было поводом забыть о том, что причитается мне по праву крови, но больше всего я не мог позволить отцу наслаждаться жизнью после того, как он разбил сердце моей матери во всех смыслах этого слова.

Кованые ворота распахнулись, когда охрана поняла, кто сидит за рулем и пропустила мой «Бугатти». С мягким рыком спорткар двинулся с места, и моему взору открылась вереница дорогих автомобилей, принадлежавших гостям, приглашённым на торжество по случаю свадьбы Бенджамина Сандерса и некой Теи Торнтон.

Остановив машину у входа, я бросил ключи парковщику и направился по ступеням вверх. Там, в огромном белом особняке с колоннами, словно новогодняя ёлка освещённом светом тысяч мелких гирлянд, сегодня как никогда бурлила жизнь. Я слышал доносящуюся с террасы живую музыку, смех людей, и единственное желание, которое испытывал, это разрушить царящее здесь веселье и сжечь дом дотла вместе с его обитателями.

На входе меня попросили показать пригласительный. Но нет, мой отец не удосужился направить мне весточку о том, что вскоре станет счастливым молодожёном, пожелав оставить меня в неведении. А я очень хотел познакомиться со своей новой мамочкой.

– Мистер Сандерс! – взволнованно приветствовал меня давний помощник хозяина сего мероприятия, с таким обречённым выражением на лице, словно догадывался, чем может обернуться моё здесь появление, но препятствовать мне не смел. – Пропустите!

Секьюрити расступились, а я пожалел, что Стивен заметил меня. Прийти на помолвку отца с разукрашенным кровью лицом было бы как нельзя к месту.

– Мистер Сандерс, рад вас снова видеть. Столько лет прошло.

Мужчина что-то мне рассказывал, пока я рассматривал убранство особняка, такого знакомого и одновременно далёкого от моей нынешней жизни, что испытал неприятное волнение от этого погружения в прошлое.

Меня узнавали, напрягались, здоровались, даря лицемерные ухмылки, и зуд всё сильнее раздражал костяшки пальцев. Так и хотелось счесать их о морду очередного толстосума, считавшего, что я зря трачу время в одной из лучших хоккейных команд страны, вместо того чтобы работать рядом с отцом. Не подобает наследнику миллиардов зарабатывать миллионы.

Поймав бокал шампанского с подноса проходившего мимо официанта, я окунулся вглубь вечеринки, собравшей все сливки американского общества. Здесь присутствовали политики, музыканты и самые яркие представители киноиндустрии. Отец всегда любил окружать себя популярными персонажами, испытывая странную тягу к блеску их славы, не скупясь на дорогие подарки и спонсорскую помощь. Уж сколько звёзд было зажжено после пребывания в его постели – не счесть. Отчасти поэтому его желание жениться меня поразило. К чему этот мезальянс, если он всегда пользовался звёздочками и так?

С высоты своего роста я без проблем отыскал отца. Почти такого же рослого, как и я. Должно быть, накопленные за жизнь грехи слишком сильно тянули Бенджамин Сандерса к земле, поэтому с годами он будто усох, хотя его ещё нельзя было назвать дряхлым стариком. Рядом с ним кучкой толпились его приятели, а их женщины, словно трофеи, стояли поодаль, но ни одной золотоискательницы в белом платье я не заметил. Поднявшись на второй этаж, где людей и режущих глаз вспышек фотокамер было гораздо меньше, в намерении поприветствовать бабушку, которая вряд ли пожелала бы участвовать в этой нелепой церемонии, я ощутил, как в меня кто-то врезался.

В темноте коридора я ещё не успел оценить её внешность, лишь почувствовал её запах. Такой лёгкий и свежий, словно после долгого дня в запёртом помещении вдруг переместился в дикий сад. Тонкие, деликатные ароматы полевых цветов, такие чистые, что кажутся невинными, не запятнанными человеческим присутствием. Одного вздоха хватило, чтобы во мне родилось желание провести носом от мочки уха по изгибу шеи, лизнуть её и убедиться, что она на вкус такая же потрясающая.

Мои руки машинально оказались на тонких плечах, спасая от неминуемого падения с высоких каблучков, на которые я устоял. Узкая стопа, увитая кожаными ремешками, изящные щиколотки, красивые икры и соблазнительные колени заставили моё дыхание сбиться. Платье на госте казалось неприлично коротким, и я едва ли нашёл в себе силы поднять взгляд от длинных ног к её лицу.

Выдохнул воздух через рот, словно это могло помочь мне охладиться. Чёрт! За мной всю жизнь гонялись красотки, но внешность этой девчонки казалась просто волшебной. Не припомню, но не удивлюсь, если в отрочестве я дробил на Белль из мультфильма «Красавица и Чудовище». Теперь я вырос в Чудовище и могу воплотить эту фантазию в жизнь.

Обрамлённые длинными ресницами глаза, немного подёрнутые дымкой, словно она выпила лишней бокал шампанского (а возможно, и не один) и сейчас с трудом пытается сфокусировать своё внимание на мне. От нашего столкновения один локон выбился из причёски и змеился по гладкому белокожему плечу. Как зачарованный, я поймал прядь волос, пропуская её между пальцев, проверяя, настолько ли шелковисты её тёмные волосы, как кажется. Я жадно рассматривал девицу, и у меня изо рта едва ли не текли слюни, пока я фантазировал о том, как вскоре сниму с неё это маленькое платье и трахну девчонку. В чём я ни капли не сомневался.

– Может, уберёшь, в конце концов, свои клешни? – слетело с её пухлых губ раздражённое замечание, и девушка повела плечами в нелепой попытке избавиться от стального захвата. Мои ладони на фоне её хрупких плеч казались просто огромными, но убирать их я не спешил. Она смотрит на меня испуганно и напряжённо, озираясь по сторонам, видимо в опасении, что её

хахаль застанет с другим. Чему я был бы несказанно рад, убив двух зайцев сразу: выпущу пар и избавлюсь от её воздыхателя.

– Как тебя зовут? – спрашиваю, притесняя её к стене и наконец избавив от своих рук, но загнав в капкан, из которого ей не выбраться, уперев ладони в стену по обе стороны от малышки.

Рассматривать её – чистое удовольствие. Ресницы подрагивают, и я едва сдерживаю себя от желания прикоснуться к ним – настолько идиотическое побуждение меня посетило впервые. Но больше всего мне хочется её поцеловать, и в данный момент я могу отдать за это и свою жизнь, потому что отчётливо слышу шаги, раздающиеся за моей спиной, и готов биться об заклад, что к нам приближается её парень. И по её ошалевшим от страха глазам я понимаю, что и у неё со слухом всё в порядке.

Обхватив лицо незнакомки ладонями, чтобы она не соскользнула с крючка, я накрываю её рот своим, поймав испуганный всхлип. Кажется, в то мгновение, когда наши губы соприкасаются, я ощущаю, как в меня врывается свет. Он заполняет меня до основания, вытесняя из моего естества чёрно-белые тона, раскрашивая в миллиарды других цветов. Он как огонь бежит по жилам, знакомя меня с новым видом энергии, и я хочу теперь жить только на ней.

– Йен, – доносится до моего сознания голос отца откуда-то издалека, вытаскивая из плена девушки, что меня поработила, полностью опьянив собой, – я смотрю, ты познакомился с моей женой.

1. Теа

Три года спустя
Пригород Нью-Йорка

Первое, чему решил обучить меня супруг после нашей свадьбы, – это правилам этикета. Как девушка, выросшая в Бронксе и привыкшая чаще пускать в ход кулаки, нежели манеры, я была крайне далека от тех мест, где требовалось ими пользоваться. И несмотря на то, что внешне я походила на яркую обёртку от конфетки, развернув её, внутри можно было обнаружить разве что заветренный кусок морковки.

Бенджамин Сандерс считал, что его молодой супруге не подобает существовать в полном неведении о том, в какой руке держать нож, не отличать вилку для рыбы от вилки для фруктов, смеяться не к месту или не знать, чем разбавить неловкую паузу на светском рауте. Или, как раньше, бежать отворять парадную дверь впереди прислуги. Кто-то настырно барабанил в дверь кулаком, и меня это изрядно бесило, отвлекая от чтения лёжа на софе под лучами солнца, проникавшими сквозь окно. Теперь, когда у меня появился доступ к деньгам, я наконец-то смогла себе позволить жить почти беззаботно. Жаль, что это не было моим выбором.

Однако в день свадьбы я всё ещё походила на беспородную кошку, которую минуту назад подобрали с грязной улицы, принесли в дом, отмыли и накормили. Только никто не удосужился мне объяснить, какое отныне у меня положение: я всё ещё дворняжка или уже принцесса?

События разворачивались столь стремительно и непредсказуемо для меня, что я не успела осознать, в какой момент с головой нырнула в то течение, в которое меня окунула жизнь. Предварительно попытавшись в нём же меня утопить.

Этот дом недалеко от Атлантического океана, словно сошедший со страниц тех журналов, до которых я боялась дотрагиваться, дабы не испачкать их своими грязными пальчиками. Одежда, вереницей висевшая в гардеробной, куда большей по размеру, чем наша с отцом берлога в одном из самых бедных районов Нью-Йорка. И еда. Я работала с того момента, как поняла, что могу в этой жизни полагаться лишь на себя, потому что мой папа, в отличие от меня, несмотря на свой возраст, всё время витал в облаках. Это я доставала почтовые конверты с извещениями от банков, думая, где найти средства, чтобы погасить долги. Это я слёзно заверяла хозяина трущоб, в которых мы жили, что оплата будет завтра, и в отчаянии пыталась донести это до папы. Это я готовила ужин из того, что находилось на полупустых полках, постоянно ощущая голод и несварение желудка от дешёвых некачественных продуктов.

Теперь я уже не голодала. Но счастья мне это тоже не принесло, потому что я заплатила за окружавшее меня изобилие слишком высокую цену – свою свободу. Впрочем, на счастье я вовсе и не рассчитывала, когда дала согласие мистеру Сандерсу стать его женой.

Нежданный гость, что барабанил в дверь, игнорируя звонок, явно не обладал терпением нашей горничной, которая никуда не спешила. Я направилась к входу, цокая по полу своими туфельками на каблуках. Стоило распахнуть раздражённо дверь, как моё сердце замерло. От испуга, от возбуждения или от предвкушения – не знаю сама. На пороге дома стоял незабываемый Йен Сандерс, младший сын моего мужа и истинное проклятье.

Несносный и самый самоуверенный парень на свете, считавший, что в его мире ни одна женщина не способна произнести при нём слово «нет». Впрочем, не уверена, что в этом он ошибался.

Долю секунды мы рассматривали друг друга в лучах жаркого полуденного солнца. Его светлые взъерошенные ветром волосы, загорелая кожа и яркие голубые глаза заставили мои колени предательски подкоситься, и я приложила массу усилий, чтобы не упасть перед ним

на пол и не раздвинуть ноги в стороны. Но всё же этот способ приглашения гостей в дом мой муж вряд ли оценит.

Йен мазнул по мне равнодушным взглядом, и, судя по всему, градус холода в нём не снизился ни на одно деление с того момента, как он узнал, что зажимал в углу супругу отца. Я поёжилась, и этот день уже не казался таким жарким, как мгновение назад, когда я открыла дверь и меня обдало летним зноем. Возбуждение схлынуло, оставив после себя только неловкость за неподобающие чувства.

– Скажи, чтобы занесли мои вещи, – вместо приветствия, обратившись ко мне словно к горничной, отдал он приказ.

Ударом под дых до меня доходит болезненное понимание того, что подобных мне он не считал себе ровней. Какие бы дорогие шмотки и побрякушки его отец на меня ни нацепил, для Йена Сандерса это лишь очередное доказательство моей корыстной, продажной сущности. Но разве он заметил бы меня, не будь я облачена в то маленькое и баснословно дорогое свадебное платье, что жених выбрал для меня? Как подтверждение того, что я его красивая кукла, которую он теперь волен наряжать как ему вздумается, чтобы похвалиться приобретением перед друзьями. Нет, я не сомневалась, что для парня, выросшего в богатстве, белое отребье, каким он меня считает, пустое место, которое из нуля никогда не превратится в единицу.

Сцепив зубы, я проглотила это открытие, решив для себя, что буду держаться с ним отстранённо. Всё равно Йен здесь ненадолго.

Отлепившись от стены, на которую он опирался, пока ждал, когда ему откроют дверь, он берёт что-то с противоположной стороны в руки. И до меня не сразу доходит, что этот предмет – костыли.

Его нога, затянута в джинсы, была зафиксирована от бедра до щиколотки медицинским ортезом, но передвигался он лишь с опорой на здоровую ногу. Я слышала, что он попал в аварию, поэтому пропустил игровой сезон, но подробности в прессе не раскрывались, и я понятия не имела, насколько всё серьёзно.

Высокий, источающий мощь молодой человек, глядя на которого мне приходилось запрокидывать голову, стоя даже на двенадцатисантиметровых каблуках, теперь казался в некоторой степени уязвимым. Нога, очевидно, до конца не сгибалась и он не мог на неё ступить.

Я была наслышана о нём от прислуги, на глазах у которой он рос, от девушек, что щебетали про молодого человека на вечеринках, от его отца, что костерил сына, когда читал новости о нём в спортивной или светской хронике. И все, как один, твердили, что за его красивой мордашкой и телом греческого бога скрывается настоящее чудовище.

Отчасти убедиться, что подобное мнение о нём не заблуждение общественности, мне довелось уже в день нашего знакомства. И не потому, что он решил присвоить меня себе на час-другой, хотя ему даже имя моё не было известно. Впрочем, действительно, зачем оно ему, если он не имел на меня долгосрочных планов. Всё дело в том, как он повёл себя в тот момент, когда на арену вышел его папаша.

Узнав, кто я, Йен переменялся в лице. Не было больше парня, поглощённого моей персоне, от прикосновений которого я таяла и плавилась, как масло на сковородке. Находясь в непосредственной близости от него, я телом ощутила, как все его мышцы напряглись, а дыхание замерло. Он не обернулся к отцу, а продолжил сверлить меня взглядом. Только совсем иначе.

– Отец, шлюхам платят за услуги, а не берут их в жёны, – с холодной улыбкой произнёс мой пасынок, глядя мне в глаза. Мистер Сандерс в тот день влил в меня такую дозу алкоголя, от которой я пьяно улыбнулась, даже не сообразив, что речь обо мне, и, только когда парень убрал с моего тела свои руки, меня накрыло такой волной обиды, боли и возмущения, что я не нашла, что ответить на это оскорбление.

В день свадьбы именно алкоголь спас меня от гибели, потому что, когда новоиспечённый муж приступил к пыткам с пристрастием, я смогла списать своё поведение на опьянение. Больше мы с Йеном не пересекались.

Сейчас, видя, что он травмирован, я, словно акула, почуявшая кровь, захлопнув дверь, направилась к нему.

Знала, что мне даже смотреть на него опасно, дышать же с ним одним воздухом чревато задохнуться источаемым им тестостероном и агрессией.

– Богатый мальчик получил по заслугам? – задаю вопрос, осматривая его с головы до ног, пока он не видит моего голодного интереса. Всё в нём вызывало во мне отклик, бороться с которым не было сил. Знала, что нужно остаться неприметной, вжаться в уголок как мышка и молиться, чтобы он не обращал на меня внимания. Но не могла. Меня тянуло поиграть с огнём, зная, что он не просто обожжёт, а спалит дотла.

Йен медленно обернулся на звук моего голоса с таким выражением на лице, словно услышал жужжание назойливой мухи, которую намерен прихлопнуть. Я поёжилась, успев пожалеть о сказанном.

Он обошёл меня, рассматривая со всех сторон с нескрываемым презрением на лице, заставившим меня усомниться в том, кто из нас первым обнаружил кровоточащую рану другого.

– А ты, я смотрю, за эти годы осмелела. Неужели уличной девке дали слово? – Йен наклонился ко мне и поморщился, будто нахождение в такой близости от меня вызывало у него острую неприязнь. – Видимо, хорошо делаешь минет моему старику, раз он позволил открывать тебе рот не только для этого.

Как по щелчку пальцев, кровь закипает, внутри всё клокочет, пузырится, поднимается вверх, достигнув отметки в сто градусов, и я готова вот-вот взорваться. Время словно остановилось на том моменте, когда я смотрела в его ярко-голубые глаза.

Я пришла в себя, лишь ощутив жжение в ладони от соприкосновения с небритой щекой Сандерса. Он не успел поймать мою руку, явно не ожидая нападения от мачехи, но теперь сжимал моё запястье с такой силой, что кажется, оно вот-вот раскрошится на пол. Я морщусь от боли и практически вишу на его захвате, касаясь пола лишь носками туфель, и то, что он не совсем здоров, никак не влияет на его силу.

– Теперь я его законная жена, и тебе придётся с этим смириться, – цежу слова сквозь зубы. Ещё чуть-чуть, и начну его молить разжать пальцы, но пока лишь глубоко и часто дышу, прикусывая от боли нижнюю губу, сдерживая готовый сорваться с уст стон.

Он смотрит на меня странным взглядом, скользя от глаз ко рту и обратно, но я способна различить в нём лишь одну эмоцию – злость.

– Я дал отцу время поиграть с очередной куклой, но его забавы слишком затянулись, – произносит Йен, притянув меня так близко к себе, что я почти впечатываюсь в его грудь. Он рассматривает мои глаза, словно хочет прочесть что-то в них, только вот ему неизвестно, какую именно из игр с его отцом мы ведём. Если он считает, будто я опасаюсь, что завтра моя сказочная жизнь в этом доме закончится, то он глубоко заблуждается.

– Твой отец тебя удивит, мальчик, – обращаюсь к нему, выпрямляя позвоночник и расправляя плечи насколько мне позволяет положения, имитируя дерзкую ухмылку на дрожащих губах с таким апломбом, будто действительно могу сойти ему в мамочки, хотя младше «мальчика» лет на пять.

– Йен? – раздаётся со стороны входной двери голос его старшего брата. Я и не услышала, когда он успел зайти в дом. Дугласа, в отличие от брата, даже с натяжкой нельзя назвать красавчиком. Не знаю, как так смешались их общие гены, но он куда больше походил на отца, высокого, костлявого, с лицом, вызывающим отторжение своими узкими глазами-щёлочками и тонкими губами. Увидев этих двоих, я вряд ли бы смогла угадать, что они единокровные бра-

тля. Деньги семьи не помогли сделать спину Дугласа ровной, а фигуру – атлетичной, и все свои способности он сконцентрировал на семейном бизнесе, помогая отцу. Правда, стать любимчиком у него так и не получилось.

Но больше всего меня выводил из себя его длинный крючковатый нос, который постоянно лез куда не просят: то и дело он выспрашивал у отца о моём прошлом и нашем с ним знакомстве. Я всегда держала с Дугом ухо остро, а он, несмотря на то, что под боком как пиранья кружила его жена, всё пытался залезть мне в трусы.

И сейчас Дуг прошёлся по моей фигуре своими маслянистыми глазками, отметил то, как близко с Йеном мы стоим друг к другу, и на его лице отразилась ничем не прикрытая ненависть. И я готова зуб отдать, что у обоих братьев сейчас одна мысль в голове – в этом доме меня имеет не только глава семейства. Или будет иметь.

– Уже окучиваешь нашу сладкую мамочку? – обращается Дуглас к брату, а меня передёргивает от отвращения, потому что я слышу в его словах отблески собственной несбыточной мечты. Он ещё не перешёл грань в общении со мной только по той причине, что знал – сделай он один неверный шаг, как отец быстро лишит его детородных органов и повесит их гостиной на стене.

Но стоило нам остаться наедине, как страх перед главой семьи отходил на задний план и не мешал ему говорить мне слова, измазанные таким слоем грязи, что каждый раз после подобного общения единственное, чего мне хотелось, – это принять душ и смыть их с себя.

Борьба за хлеб для меня в доме Сандерсов сменилась борьбой за жизнь. Каждый пытался урвать кусок посытнее, а Бенджамин, зная власть собственных денег, крутил своей семьёй как хотел. Забавы ради. Вот только с младшим и, как казалось, любимым ребёнком произошла осечка. Я не знала подробностей, но догадывалась, что причиной, по которой власть отца над Йеном свелась к нулю, являлся его контракт с НХЛ, позволившим не зависеть от воли родителя.

Йен медленно отпускает мою руку, и я едва не падаю, пока, пятясь, отхожу от него на безопасное расстояние. Переводя взгляд с одного Сандерса на другого, я замечаю, что Дуг на фоне младшего будто кажется ещё более неказистым, хотя, казалось, как такое возможно. В обществе Йена он весь съёживается, теряя притворную уверенность, и заползает в свой панцирь, из которого торчит лишь нос.

На моих губах вновь расцветает улыбка, когда я понимаю, что между братьями далеко не дружеские отношения. Но Йен всё же нехотя протягивает для пожатия руку, и Дуглас, взяв себя в руки, надуваясь, как петух перед боем, её пожимает.

– А что, наш папаша с тобой уже ей поделился? – пренебрежительно интересуется Йен. Я дёргаюсь, едва поборов в себе желание выпцарапать ему глаза, но тут же успокаиваюсь от мысли, что испорчу его существование иным способом. Пока не знаю каким, но что-нибудь придумаю.

Вместе с тем, если до сегодняшнего дня я считала, что ко мне в этом доме плохо относятся, то, похоже, теперь меня ждут новые круги ада. Но и продолжать быть безмолвной овечкой сил моих больше не осталось.

Йен

Яркий свет огромной арены и гул толпы, болеющей за свои команды. От моей скорости лёд под острым лезвием конька плавится, искрами оседая обратно. По лбу катится пот, повисает на ресницах, и я тяжело дышу, не упуская из поля зрения шайбу, что перемещается от точных движений клюшек моих соперников. Остаётся лишь ничтожный шанс на выигрыш, но я хочу им воспользоваться. Люк Дентон, мой друг и товарищ по команде, отвоёвывает шайбу, и я стремлюсь за ним к вражеским воротам, зная, каким будет его следующий ход. Голевая передача – и шайба оказывается в моей власти. Гол.

Моя физиономия под музыку и аплодисменты высвечивается на экране табло, пока меня поздравляют. Восторг от третьего гола за игру разливается в теле, словно сильнейший наркотик с примесью афродизиака, и я удовлетворяю свои физические потребности с журналисткой, что прорывалась ко мне под предлогом интервью. Она смотрит на меня как на божество и без лишних слов опускается на колени в коридорах ледовой арены, где недавно завершилась игра. Есть риск, что где-то из-за угла может появиться заплутавший зритель, уборщик или охранник. Но меня это не волнует. Яйца звенят от предвкушения, когда её губы смыкаются на мошонке и всасывают их по очереди в жаждущий рот.

Девушка заглывает член, демонстрируя всё своё мастерство, и моя ладонь ложится на её затылок, побуждая взять глубже, пока я не начинаю скользить где-то в её глотке. Она давится, но не отталкивает меня, поднимает залитые слезами глаза в поисках моего одобрения и получает его, когда я кончаю.

Глокает сперму и вытирает тыльной стороной руки губы, в то время как я возвращаю джинсы на место, а затем поднимается на каблуки, немного пошатываясь.

– Йен, мы же ещё увидимся? – девушка одёргивает очень узкую юбку, что облепляет её худые бёдра. Не дурнушка, вполне симпатичная, но всё же в иной ситуации я, скорее всего, не уделил бы ей и пары минут.

– Зачем? Мы вроде завершили интервью. Ты разве не удовлетворена им?

Я перекидываю спортивную сумку через плечо и направляюсь в сторону парковки, слыша, как пока позади раздаётся стук каблуков. Журналистка всё же нагоняет меня, и начинается песня, которую я слышал уже сотни раз. Её слова знакомы наизусть, потому что каждое слово обо мне и каждое из этих слов не прошло бы в газетёнке докучливой журналистки цензуру.

Мне совершенно не ясно, к чему эти причитания и обвинения, учитывая, что я не делал намеков на то, что между нами может быть нечто большее, чем одноразовый минет.

В тот вечер, кроме моего недостойного семьи Сандерс поведения, ничто не предвещало беды. Я находился немного на взводе, как и всегда после игры, но благоразумно отказался от продолжения вечера в клубе, зная, что впереди меня ждут новые тренировки, и я планировал отдохнуть перед ними, чтобы войти в свою лучшую форму.

Неожиданно машина, что ехала по встрече, вильнула в мою сторону, и, если бы... Если бы не так много факторов, влияющих на самые худшие ситуации в жизни, я бы остался цел. Скорость, на которой я ехал домой, дождь, что застилал стёкла автомобиля, опустившийся на город вечер. Но избежать аварии не удалось. Увы, стрелка на спидометре зашкаливала, когда я влетел в автомобиль, что выезжал с второстепенной дороги. Всё произошло так стремительно, что в моей памяти почти не отложился момент удара носом о подушку безопасности, треск посыпавшегося лобового стекла и смятый бампер машины. В результате аварии моя левая нога оказалась зажата металлом автомобиля в тиски.

А далее только воспоминания – как разорванное письмо любовницы, которой ты изменил. Вроде фрагменты удалось собрать воедино, но остались пробелы. Тусклый свет в коридоре больницы, куда меня привезла скорая, слова анестезиолога, обращённые ко мне перед тем, как на лицо ложится маска. Пробуждение. Вязкое, как моя кровь, что залила «Мустанг». Я приходил в себя несколько раз, но слабость была такой силы, что утягивала меня обратно в забытьё, а я не смог с ней бороться. Казалось, там, в темноте, что так манила, я мог бы отдохнуть, но меня выплюнуло из неё в суровую реальность.

Когда я пришёл в себя, то сообразил, насколько всё плохо, уже по одному скорбному выражению лиц врачей. Они заверяли меня, что, с учётом аварии, я легко отделался. Всё могло быть гораздо хуже и мне повезло. Ещё пара сантиметров, и тазобедренная кость раскрошилась бы в пыль. Не попади в ту ночь я в руки опытного хирурга, который сумел собрать мою ногу по кусочкам, меня могла бы ждать ампутация. А так, пока, по их прогнозам, мне светит дли-

тельное восстановление. Но то, что они отказались от дальнейших прогнозов, говорило мне лишь об одном – они не могут дать гарантию, что я вернусь к нормальному образу жизни, не то что к спорту.

Я ненавидел ожидание. Всё моё прошлое до аварии связано со скоростью, движением и риском. И вот сейчас единственное, на что я способен, – это ждать и пялиться в потолок, не зная, как в итоге срастутся кости и связки. Существование с тростью вместо жизни с клюшкой – это мне грозит?

Учитывая характер травмы, в НХЛ меня поместили в долгосрочный травмированный резерв. Шансов, что я приму участие хотя бы ещё в одной игре этого сезона, не имелось.

– Айс.

Голос друга вывел меня из горьких дум, и я перевёл на него взгляд, испытывая к нему острую ненависть. Какой бы крепкой ни казалась наша дружба, но теперь я не уверен, что она сможет пережить моё поражение и предстоящий спортивный триумф Дентона. Мы играли в одной команде, были товарищами и соперниками одновременно, хотя каждый из нас занимал своё в ней место. Мысли чёрные, едкие и гадкие проникали в сознание. Я поморщился, точно это могло их стереть, испытывая стыд за проявленную слабость.

Кого-либо из членов семьи я видеть категорически не желал. Каждый из них нашёл бы повод обрадоваться, увидев меня прикованным к койке, а сейчас у меня не было сил бороться с ними. Поэтому, когда новости просочились в прессу, я попросил отца позаботиться о том, чтобы никто из родственников сюда вдруг не заявился. Но в моей палате регулярно появлялись члены команды и тренер. С последним мы обсудили сложившуюся ситуацию, но помочь он мне ничем не мог, кроме ободряющего слова. Поэтому я отлично понимал, что всё сказанное в этих стенах не более чем лицемерный страх перед правдой о моём сумрачном будущем.

– Чего тебе?

– Так и будешь утопать в жалости к себе? – интересуется Люк, и я сожалею лишь о том, что не могу сейчас дотянуться до костылей и снести ему башку. Пока лежал в госпитале, тысячу раз успел подумать о том, что моё сегодняшнее состояние – это наказание за собственное мудачье поведение.

– Катись к чертям, Дентон, – посылаю его сквозь сжатые зубы, но друг лишь разваливается на стуле рядом с видом человека, который никуда в этой жизни не спешит.

– Так я уже тут, Айс, наблюдаю, как один из чертей утопает в жалости к себе.

Закатываю глаза, отчётливо понимая, что этот дебил никуда отсюда не уйдёт.

Тогда я ещё не знал, что впереди меня ждёт несколько операций и множество бессонных ночей, сопровождаемых болью, и дней, в течение которых даже встать с постельной койки без посторонней помощи мне не удастся. И всё же моё будущее оставалось неопределённым.

За день до выписки после успешно проведенной операции и положительным прогнозом врачей, которые смогли поставить меня на ноги, мне требовалось определиться, где я буду жить в период реабилитации, и вариантов оказалось немного. Я мог бы остаться в своей квартире в Трайбека, вызывать к себе врачей, медсестёр, реабилитологов и проституток, которые бы скрашивали моё одиночество. Но перспектива подобного досуга на ближайшие месяцы вызвала у меня острый приступ скуки, и, когда отец в очередной раз позвонил справиться о моём состоянии, а заодно пригласил пожить в загородном доме, я всерьёз обдумал это предложение. Но вовсе не потому, что соскучился по кому-то из членов семьи.

Стоя у порога родительского дома, я пытался мысленно вообразить, как сейчас поживает его новая обительница. В нашу первую встречу, когда нас застукал отец, она выглядела точно пойманное в силки дикое животное. Маленькая лисичка, которой прищемило лапу, смотрела на меня так, словно готова расцарапать мне всё лицо. И сейчас я задавался вопросом: удалось ли деньгам отца огранить этот алмаз, придать ему форму, найти достойную оправу. А когда

она отворила дверь, то не только ослепила меня, но и ранила до крови острыми гранями своей красоты.

Похоть и жажда, смешанные с осознанием того, кем она является на самом деле, вызвали за собой внутри меня новые эмоции: злость, ненависть к ней и зависть к собственному отцу. И смотря на эту наглуемую девицу, кулаки сжимались, а я представлял, как мои пальцы смыкаются на её тонкой шейке и ломают хрупкие позвонки. Но стоило опустить взгляд к губам, и я пропадал: мысли сбивались, оседая тяжёлым комом вниз – в район ширинки. Там набухало, пульсируя, распрямляясь, – и меня уже не волновало, чья она жена. Мне хотелось задрать очередное маленькое платьице, открывающее вид на шикарные ноги, отодвинуть в сторону кусочек ткани и трахать её, пока это желание не ослабеет. Прямо там, в холле отцовского дома.

На долю секунды она заставила меня забыть. Не думать о том, что передо мной корыстная дрянь, готовая лечь под старика ради денег, не думать о том, что теперь мы связаны семейными узами и она носит одну со мной фамилию.

И самое паршивое – я почему-то до сих пор не забыл вкус её губ, хотя с трудом мог припомнить имя последней девушки, с которой переспал. Та сцена, что произошла между нами три года назад, никак не выходила из головы, оставив незаживающий ожог в моей памяти.

Тогда в её глазах вместо ожидаемого ликования девчонки, сорвавшей джекпот, я обнаружил страх и растерянность, на смену которых с появлением отца пришла злость. С другой стороны, она, несомненно, находилась в состоянии опьянения, поэтому мои выводы о её чувствах могут быть и не верны.

Но больше всего меня задевало то, как отец смотрел на неё. Я думал, в таком возрасте и с его опытом мужчина уже не способен влюбиться, но его взгляды, бросаемые в её сторону, говорили об обратном. Для него она не стала очередной девкой, которую он притащил в постель, ему было этого мало, поэтому он обозначил на неё права, дав свою фамилию. И в этом я способен его понять.

Она выделялась среди всех остальных. Девушек из моего окружения можно сравнить с цветами, выращенными в оранжерее под неусыпным взглядом садовника, и я не уверен, что смог бы отыскать между ними и пары различий. К каждой из них был применен эпитет рафинированной, ухоженной, прозябающей в богатстве и скуке дамочки. Теа же словно дикий цветок редкой красоты, который, вопреки отсутствию работы селекционеров, появился на свет. На неё мало смотреть, её хотелось вырвать с корнем и спрятать от чужих глаз. Чтобы никто не смел ею любоваться. И я понимал подобное желание отца больше других.

Но чего понять не мог, так это её. Почему она вышла замуж за мужчину, что старше её не на один десяток лет? Ответ на этот вопрос меня вовсе не радовал. С её незаурядной внешностью она без проблем могла бы подыскать партию, может быть, менее денежную, но более подходящую. А значит, счёту в банке она отводила первое место и не гнушалась старческого тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.